

Фан Уцо хмыкнул, и победоносная речь Системы застряла у него в горле. Фан Уцо произнес:

— У каждого мира свои правила выживания. Какая мне польза от того, что он заучит наизусть ключевые ценности социализма?

Система еще хотела что-то сказать, но услышала голос Фан Уцо:

— Если под спасением ты понимаешь простое исчезновение злодея, то я уже говорил раньше: могу прикончить его прямо сейчас. По приказу кого угодно пойду и убью Бай Цаньюня, сделаю так, чтобы в этом мире больше никогда не появлялось злодея по имени Бай Цаньюнь.

— Но то спасение, которого требует твое задание, куда хлопотнее, чем просто взять и прикончить его.

Система не совсем понимала, к чему клонит Фан Уцо. В конце концов, раз уж можно выполнить задачу, она должна поддерживать любые используемые им методы.

Фан Уцо похлопал Бай Цаньюня по плечу и велел провести его в Академию Белой Башни.

Бай Цаньюнь сглотнул слюну и с замирающим сердцем пошел впереди. Когда они проходили мимо главных ворот Академии Белой Башни, долговязый Фан Уцо, совсем не похожий на Проводника, ожидаемо привлек внимание охраны.

— Стоять! Стражам и прочим посторонним вход в Академию Белой Башни запрещен!

Бай Цаньюнь огляделся по сторонам и с горьким осознанием понял, что единственным «стражем и посторонним» у ворот Академии Проводников был, судя по всему, как раз Фан Уцо.

И правда, пройти всё-таки не получится? Бай Цаньюнь даже почувствовал некоторое облегчение. Фан Уцо из добрых побуждений хотел ему помочь, но за эту доброту он мог быть лишь мысленно благодарен.

Без всяких оснований втягивать Стража в разборки между Проводниками было бы крайне неуместно при любых обстоятельствах.

Бай Цаньюнь не стал спорить с охранниками, а с легким сердцем повернулся к Фан Уцо:

— Брат Фан, сюда действительно не пускают... Простите, что заставил вас зря идти, может, я угощу вас обедом, и вы вернетесь?

Фан Уцо улыбнулся:

— Раз уж ты назвал меня братом, я, разумеется, должен отвечать за тебя до самого конца.

Конечно же, я должен до конца отвечать за задание, которое позволит мне вернуться домой.

Фан Уцо обошел Бай Цаньюня и остановился перед охранником Академии Белой Башни. Его доброжелательное лицо заставило сурового стража Белой Башни ослабить бдительность.

У Бай Цаньюня не было развитых сверх нормы органов чувств и слуха, как у Стражей, поэтому он не слышал, о чем Фан Уцо говорил с охранником, но зато прекрасно понял жест — страж Белой Башни яростно махал руками.

...Совсем не похоже на приглашение пройти внутрь.

— Даже если вы родственник кого-то из Проводников нашей Академии Белой Башни, я не могу вас пропустить.

— К тому же наша Академия Белой Башни всегда выступает за честную конкуренцию и гармоничное сотрудничество, у нас не бывает тех издевательств, о которых вы говорите. Даже если то, что вы утверждаете — правда, всё равно нельзя.

— Вы — Страж, а Стражам вход в Академию Белой Башни заказан. Эх, поймите же нас, правила есть правила.

Страж Академии Белой Башни тяжело вздохнул. Он прослужил здесь уже довольно долго и, хоть сам и был обычным человеком, не имеющим возможности учиться в Академии Белой Башни, имел общее представление о происходящем внутри.

Например, он действительно поверил словам Фан Уцо о том, что его младшего брата травят в школе.

Но от того, что он верил, толку не было — правила есть правила.

Охранник замахал руками и с сожалением и сочувствием сказал Фан Уцо:

— Возвращайтесь. С этой услугой я вам, увы, помочь не смогу.

Фан Уцо опустил взгляд, изобразив крайнюю степень скорби и разочарования. К тому же он всё еще числился студентом Академии Черной Башни, да к тому же был ранен — слои бинтов и слегка бледноватое лицо прекрасно дополняли образ заботливого старшего брата, который ради младшего брата из Академии Белой Башни был готов притащиться сюда, не жалея больного тела.

Бедный ребенок.

Страж Академии Белой Башни сочувственно цыкнул языком.

Фан Уцо понизил голос:

— Тогда, дядя, не могли бы вы оказать мне другую услугу?

Охранник Академии Белой Башни проникся жалостью к этому хрупкому, эмоциональному молодому Стражу и заговорил с ним еще мягче:

— Конечно, если только ты не просишь пропустить тебя внутрь. Другую небольшую услугу я постараюсь сделать для тебя, идет?

Фан Уцо прищурился и с помощью своего невероятно располагающего лица озарил стража Академии Белой Башни широкой улыбкой:

— Спасибо~ Тогда не могли бы вы...

Голос Фан Уцо становился всё тише и тише, и стражу Академии Белой Башни пришлось податься вперед, чтобы расслышать его получше, но даже в таком положении он едва разобрал последние слова.

— Эй, что ты сказал? — охранник Академии Белой Башни поковырялся в ухе и озадаченно посмотрел на Фан Уцо.

Бум!

Ответом ему стал удар кулака Фан Уцо.

Это был мастерский удар. Он не вызвал у охранника кровотечения из носа, но в то же время начисто лишил сознания, заставив с гулким стуком рухнуть на землю.

Страж Академии Белой Башни завалился назад, потеряв сознание.

Фан Уцо между делом вытянул салфетку из будки охраны, вытер руки, и его голос вернулся к обычной громкости:

— Раз уж вы не захотели закрыть на мои действия глаза и впустить меня, придется закрыть оба. Спасибо за понимание.

Стоявший вдали Бай Цаньюнь:

— ...

Что вообще произошло?

Почему секунду назад страж Академии Белой Башни праведно отказывал Фан Уцо, а в следующее мгновение уже дрыхнет без задних ног?

Фан Уцо поманил Бай Цаньюня:

— Чего застыл? Давай води дорогу. Я в Академии Белой Башни всего раз был, еще толком не ориентируюсь.

Бай Цаньюнь на этот раз по-настоящему запаниковал. Он сделал пару быстрых шагов к Фан Уцо:

— Брат, куда вы собрались? Хотите, я отведу вас в библиотеку...

— Разве я не говорил, что помогу тебе разобраться с проблемами? — произнес Фан Уцо. — Веди меня к тем, кто над тобой издевался.

Фан Уцо разминал кулаки, в его глазах не было и следа чувства справедливости — лишь жажда поскорее выполнить задание и отделаться от Системы.

В конце концов, Система лишь велела спасти парня и не дать ему вырасти злодеем.

Ну так Фан Уцо сейчас займется спасением по полной программе.

Не спрашивайте, как именно он будет спасать, но Фан Уцо мог с уверенностью сказать: успех его метода будет куда выше, чем у сиситемовских попыток «растопить всё любовью».

В сердце Бай Цаньюня безо всяких на то причин поднялось дурное предчувствие.

Он на мгновение замялся, но Фан Уцо не собирался его ждать — сделав широкий шаг, он направился прямо к корпусу, где учился Бай Цаньюнь:

— Ничего страшного, подожду вас в аудитории, у них же должны быть занятия?

— К тому же у меня рука сломана, я по больничному, времени у меня вагон.

Автор пишет:

Женушки~ Я отремонтировал вчерашнюю паршивую главу, объединил ее с сегодняшней и выложил разом!

Прошу прощения, что заставил моих самых-самых любимых малышей ждать!

Ууу, сегодня тоже очень хочу попросить малышей подкормить меня питательной жидкостью и зажечь звездочки [обнимашки] [обнимашки] [обнимашки]

Глава 10. Да что ж за напасть

Бай Цаньюнь сглотнул слюну и в мертвой хватке вцепился в руку Фан Уцо:

— Брат Фан...

Система в психическом поле Фан Уцо тоже почуяла неладное и подала голос практически одновременно с Бай Цаньюнем:

— Фан Уцо, ты что удумал?

Фан Уцо ответил с фальшивой улыбкой:

— Как ты и просил, выполняю задание.

Система:

— Серьезно? Но от тебя же за версту разит убийственным намерением, его никак не скрыть!

Бай Цаньюнь дрожащим голосом заступил дорогу Фан Уцо:

— Это... Брат Фан, а зачем вы их ищете?

Тц.

Фан Уцо опустил веки, глядя на объект своего задания.

Да что ж они оба такие непонятливые.

— Я помогу тебе решить проблему, сделаю так, чтобы они больше никогда не смели и не могли над тобой издеваться. Ну как? — Фан Уцо слегка подался к Бай Цаньюню, его низкий, глухой голос прозвучал так, будто мягкая кисточка прошлась по сердцу парня.

Близость этого голоса у самого уха едва не одурманила Бай Цаньюня, заставляя чуть ли не во всем повиноваться Фан Уцо.

— Но... но... — залепетал Бай Цаньюнь. — Бесполезно с ними разговаривать... Брат Фан, вы и так мне слишком сильно помогли, я не должен снова утруждать вас и тратить ваше время.

Фан Уцо посмотрел на него с полным недоумением:

— Кто сказал, что я собираюсь с ними разговаривать?

Прав тот, у кого кулак больше.

Фан Уцо не был настолько самоуверен, чтобы верить, будто пара слов способна изменить глубоко укоренившиеся с детства мысли человека. Но он твердо верил: при наличии силы можно решить восемьдесят процентов проблем.

Словом, Фан Уцо планировал сперва надеть мешки на головы всем обидчикам Бай Цаньюня и как следует их отметелить.

В конце концов, он не собирался вечно оставаться в Мире Пустошей, так что пара избитых в мешках хулиганов ради выполнения задания — не такая уж большая плата, верно? Фан Уцо уже почти закончил Академию Черной Башни, и стоило ему скрыться на какое-то время, как даже при всем желании потребовать ответа они не смогли бы его отыскать.

Бай Цаньюнь пришел в ужас: если Фан Уцо не намерен вести переговоры, то какими еще способами он собирается убедить тех ребят оставить его в покое?

Он невольно вспомнил тот день, когда они с Фан Уцо познакомились.

Фан Уцо, словно сошедшее с небес божество, внезапно появился у дверей снарядной.

И избил всех до единого, кроме него самого.

Бай Цаньюнь вздрогнул от неожиданности:

— Брат Фан, вы... неужели вы хотите отыскать их и снова избить?

Разумеется! Раз уж Фан Уцо не мог отлупить бесячую Систему, неужели он не мог наподдать кому-то другому? Он задрал подбородок, во взгляде которого читалось невинное правдолюбие:

— Ну да. А что? Есть какие-то проблемы?

Проблем тут было выше крыши!

Бай Цаньюнь кое-как утихомирил Фан Уцо и отвел его в сторонку:

— Но, брат, бить людей — это плохо...

Если бить людей — это плохо, то позволять другим издеваться над собой — это хорошо, что ли? Фан Уцо был полон недоумения.

Что-то здесь не так, пахнет подвохом, и еще как пахнет.

Бить людей — это плохо.

Неужели коренной злодей Мира Пустошей способен произносить подобные вещи?

Фан Уцо постучал в Систему внутри своего психического поле, выражая крайнее недовольство:

— Ты всё перепутал, да? Какой же это злодей, это же чистой воды святоша.

Система открыла рот, но в первые секунды не находила слов, чтобы объяснить происходящую перед ней сюрреалистическую картину.

Прекрасный юноша, которого она призвала спасти злодея, источает убийственную ауру, а сам злодей, которого полагается спасать, преграждает путь хозяину тела и с чувством, с толком, с расстановкой отговаривает того от рукоприкладства.

Сторонний наблюдатель, глядя на это, решил бы, что это Бай Цаньюнь — исполнитель задания, а Фан Уцо — павший во тьму злодей.

Осознав, что у Бай Цаньюня всё же осталась капля совести, Фан Уцо даже испытал некоторое разочарование?

Система на мгновение погрузилась в полный ступор.